

Пикантный
ДЕТЕКТИВ

Инна Бачинская

Маятник
СУДЬБЫ

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б32

Разработка серийного оформления *К. Гусарева*

Бачинская, Инна Юрьевна.

Б32 Маятник судьбы / Инна Бачинская. —
Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Пи-
кантный детектив).

ISBN 978-5-04-099540-0

Кира была в ужасе. К кому обратиться за помо-
щью? В полицию ни в коем случае нельзя, ведь в ее
клубе девушек по вызову «Черный фарфор» соблюдают-
ся строгая анонимность. Все девушки учатся или рабо-
тают, огласка никому не нужна! Но что-то предпринять
необходимо, ведь недавно была убита в своей квартире
одна из девушек клуба. А спустя несколько дней неиз-
вестный напал на другую. К счастью, она сумела брыз-
нуть ему в лицо газом из баллончика и убежать. Голос
напавшего показался ей знакомым, но она не смогла
вспомнить, кому именно он принадлежит...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Бачинская И.Ю., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-099540-0

Я —
Словами так немощно
Нем:
Изречения мои — маски...

И
Рассказываю
Вам всем —
Рассказываю
Сказки,

— Потому что —
Мне так суждено,
А почему —
Не понимаю;

Потому что —
Все давно ушло во тьму,
Потому что — все равно:
Не знаю или знаю...

Потому что мне скучно — везде...

Андрей Белый
(*Поется под гитару*)

Все действующие лица и события романа вымышлены, любое сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

Автор

Пролог

...Скрип, туда-сюда, взад-вперед... Скрип в безмолвии ночи, пугающий глухой звук, тошнотворный ритм, ощущение неотвратимости... Тоска, господи, какая тоска! Скрип-скрип, взлет-падение, раскачивание проклятых качелей — скрип-скрип! Проникает через кожу, поры, колючками впивается в сознание...

Кружок света от ночника, задернуты жесткие тяжелые шторы, по стене скачет тень — вверх-вниз, вверх-вниз, вверх-вниз... бездушное механическое движение, бездушный маятник, бесконечное угасание...

Шаги — шаркающие, медленные... Шорох, шелест, скрип, едва слышный звук — звяканье стекла, шорох, шелест, скрип...

Глубокая ночь. Тишина. Глухой, надоевший, сводящий с ума звук... скрип-скрип, проникающий в мозг, заполняющий собой все уголки и щели...

Тоска-страх-тоска-жалость-страх...

Застывшая черная тень на пороге.

Глава 1

Девушка и ночь

Поздний вечер, снег с дождем, завывающий ветер... нет нет, не в степи, а на пустынных улицах города, что тоже не радует. Хлопающая полуоторванная вывеска на секонд-хенде «Элитный сток», дерганный свет фонаря... Такси затормозило у подъезда неновой пятиэтажки, дверца распахнулась, выпустив пассажирку — молодую женщину в короткой шубке. Уворачиваясь от порывов ветра, отбрасывая с лица длинные светлые волосы, она, согнувшись, потыкала в кнопки домофона и с облегчением нырнула в освещенный вестибюль. Взвыл лифт, кабина, дребезжа, упала с самого верха, и дверь поехала в сторону. Она выскочила на своем третьем этаже, нащупывая ключи. Замок заедало, и она с силой дернула дверь на себя. Дверь подалась, и она со стоном облегчения нашарила выключатель, но ожидаемый розовый свет от квадратного светильника на стене не вспыхнул — перегорела лампочка. Черт! Кажется, на кухне в ящике буфета есть пара запасных. Она сделала шаг, другой, привыкая к темноте. Из открытой двери гостиной падал слабый свет от рекламы электроники на доме напротив. Сейчас халат, душ, кофе и — в постель! Она всегда засыпала от кофе — такая странность организма. Вдруг она застыла — что-то насторожило ее, что-то было не так.

Она вдруг ощутила, что волосы встали дыбом и холодок пробежал по спине. Она попятилась к двери... Что?

Запах... чужой... похоже, кожи, еще чего-то... парфюм? Лосьон? Она схватила с тумбочки сумочку, сунула туда руку, и в ту же минуту из открытой двери гостиной к ней метнулась тень. Она вскрикнула, выхватила из сумки баллончик, сорвала колпачок. Ядовитое вонючее облако рванулось навстречу мужчине, он вскрикнул — издал что-то вроде резкого «ах!», заслонился руками и закашлялся. Она повернулась на каблуках и выскочила на лестничную площадку. Бросилась к лифту, просунула руку и нажала кнопку первого этажа. Отскочила и побежала наверх, стараясь ступать бесшумно, на носках. Лифт, дребезжа, стал падать. Трюку с лифтом ее научила ушлая подружка Татьяна.

Она услышала, как захлопнулась дверь, и мужчина побежал вниз, перепрыгивая через ступеньки. Сейчас он увидит, что ее там нет, и рванет обратно. Домой нельзя. Тогда к соседке Валентине Павловне, которая оставила на нее кошку Долли и ключ. Спеша, преодолевая дрожание пальцев, она нащупала в сумке ключ соседки — утром ходила покормить Долли — и, стараясь производить как можно меньше шума, вставила в замочную скважину. Дверь подалась, и она почти упала внутрь. Под ногами сипло мяукнула Долли — роскошная палевая кошка с шерсткой до пола, черными ушами и лапами, похожая на породистую овцу.

Она прижалась ухом к двери, прислушиваясь. Перекрестилась. Грохнула глубоко внизу кабина лифта, лязгнула дверь — эхо пустого парадного подхватило звуки и швырнуло их вверх. Она стояла за дверью, прислушиваясь. Ей казалось, она слышит осторожные крадущие-

ся шаги... ближе и ближе. Вот уже слышно его хриплое дыхание...

Она замерла, кожей чувствуя тяжелую вязкую клубящуюся тишину. Далеко внизу хлопнула дверь — порыв ветра прокатился по лестничной клетке, за ним последовало оглушительное эхо, и снова наступила тишина.

Она побежала в комнату, приникла к окну, отодвинув занавеску. Она видела, как из подъезда стремительно выскочил человек и побежал через двор к выходу на улицу. Сбоку от него бежала ломаная черная тень. Человек вдруг остановился и резко оглянулся, словно его что-то насторожило или испугало. Потом поднял голову и посмотрел прямо на нее, как ей показалось. Страшное белое лицо! Она отпрянула от окна...

Не зажигая света, не раздеваясь, она прилегла на диван. Спуститься в свою квартиру она не решилась. Ее трясло. Долли примостилась рядом и замурлыкала. Она чувствовала тяжелый горячий бок кошки, слышала негромкое мурлыканье, такое домашнее, такое уютное, и ее стало понемногу отпускать.

Кто? Грабитель? Непохоже. Он ждал ее. Он открыл дверь... как? У него был ключ? Или отмычка? Он не пришел ограбить, он пришел... убить? Спасительная мысль, что это была шутка Мишки, нелепая и дурацкая, как все его шутки и приколы, мелькнула и исчезла. Он назвал бы ее по имени, рассмеялся, завыл дурным голосом, на нем, наконец, была бы маска вурдалака, как в прошлый раз, когда он испугал ее до обморока и она вlepила ему пощечину. Он не обиделся, а удивился и пробормотал: «Ну, мать, ты даешь! Так сразу — и в рожу!» И физиономия у него при этом была глупая. Нет, это не Мишка. От этого пахло... кожей... у него кожаное пальто или дубленка, и еще лаймом... дорогой лосьон. Не Мишка! От

Мишки несет удушливым и сладким, он любит ванильные запахи. Она поехала, вспомнив, как тот поднял голову и взглянул на нее... Ей уже кажется, что их взгляды скрестились, хотя она понимает, что это невозможно: она даже не смогла рассмотреть его лицо в слабом свете дворового фонаря — так, белое пятно...

Может, ошибка? Может, он метил не в нее? Убивают... политиков, свидетелей, шантажистов... бизнесменов! Она ни то, ни другое, ни третье! Маньяк? Непохоже... А откуда он знает ее адрес? Здесь бывали считанные люди... Следил? Но почему? Абсурд. Абсурд. Абсурд! Этого не было, потому что этого не могло быть никогда. Она маленькая сошка, маленький винтик... кому понадобилось?

Долли потянулась, выпустила коготки и царапнула ее, и она рассмеялась невольно. Что же делать? Куда бежать? Позвонить разве что Мишке, рассказать, пожаловаться? Она выгнала его позавчера и сказала, что между ними все кончено. Баста! Достало его пьянство, дурацкое вранье ради вранья по любому поводу, вечное отсутствие денег из-за лени и хронического нежелания работать и хамская манера исчезать у кассы в гастрономе, предоставляя ей возможность платить. «Я сейчас, перекурю», — говорил он и исчезал. Она испытала мгновенный укол жалости, когда он покорно молча ушел, осторожно прикрыв за собой дверь. И лицо у него было как у обиженного мальчика. Не хлопнув, а осторожно прикрыв, психолог хренов, рассчитывая на ее бабскую жалость...

А других попросту нет. Мишка хоть знакомое зло. Правда, Кирилл набивается в друзья, но это уже ни в какие ворота. Чертов альфонс! Ее передернуло от отвращения. Уж лучше Мишка!

Она лежала, теребя уши Долли, плакала, шмыгала носом, перебирала знакомых мужчин, клиентов, вспоминала его запах, дыхание, голос... когда он вскрикнул от боли в глазах. Удивлялась собственной сноровке — выхватила из сумочки и — в глаза гаду! Как будто кто-то подтолкнул под руку.

Ладно, одернула она себя, хватит причитать. Ты ведь все понимаешь! И реакция, и сноровка — тоже ведь неспроста. Неспроста, потому что ты была готова. Готова. Подспудно, подсознательно, внутри, в глубине... и так далее. Готова. Ты ожидала... не верила, но в подсознании мигал маленький красный тревожный сигнал: осторожнее!

Двадцать девятого октября была убита Ира Гурова... Двадцать девятого! Кирилл позвонил и сказал: ты там поосторожнее, мать. У него дурацкая манера называть ее «мать». Ее или всех? Привык к зрелым бабам, дешевка. Жрет все подряд. Сегодня шестое ноября. Восемь дней убийце понадобилось, чтобы добраться до нее, Лины. И не нужно себя обманывать — это был не грабитель! Это был убийца, и он пришел убить. Кто? Она снова попыталась вспомнить голос и запах. Они едва не столкнулись в прихожей, он бросился на нее... вскрикнул от боли... неприятный высокий голос и запах лимона... нет, не лимона — лайма! Зеленый, маленький, как грецкий орех, лайм с тонким пряным листовным запахом. Лосьон, дезодорант, стиральный порошок с запахом лайма.

Кто? Она перебирала знакомых и клиентов... называя и повторяя имя, вызывала в сознании картинку, голос, запах, прикосновения — и отметала. Не то. Нет. Не он.

Так, ни до чего не додумавшись, она уснула под громкое мурлыканье Долли. И, засыпая, подумала, что история глупая и дикая, невероятная и, может, этот при-

шел просто поговорить... кто бы это ни был, а она сразу в морду. Вот и Мишка говорит, что она сразу в морду, и пшик баллончиком, и руки распускает, и на курсы по самозащите ходила. Привычки одинокой бабы, которая рассчитывает только на себя, потому что нет надежного мужика рядом, за чью спину можно с облегчением нырнуть в случае чего. Одинокая баба — или одинокая женщина. Вроде одно и то же, а вот и нет. Одинокая баба нормально, с кем не бывает — одинокая, но живет, крутится, не теряет надежду. А одинокая женщина — намного жалче, почти безнадега. Как-то так. Нет мужика. И не было. И нужно быть сильной, иначе не выжить. Перестань реветь, сказала она себе. Тебе повезло, радуйся... мать! Просто нужно выбрать угол отражения, ракурс, точку отсчета — у слабого они одни, у сильного — другие. Ты сильная, так тебе выпало. Сильная, умная, красивая... на том и стой. Успокоилась? Теперь спи.

Последней мыслью перед тем, как опуститься в теплый омут сна, была мысль о том, что, как ни выбирай точку отсчета, угол отражения и ракурс, расклад не переменится — он убил Ирину и теперь пришел убить ее, Лину. Оставалась слабая надежда, что, потерпев неудачу, он больше не придет, что он суеверен, как многие маньяки и убийцы, но слишком она была слабой, эта надежда, и утешения не принесла...

Глава 2

Дела травяные

Олег Монахов лежал на старом раздолбанном диване, уставившись в потолок. Старался не шевелиться, нащупав точку лежания, при которой пружины не впи-

вались в бока. Он называл эту точку «секс-точкой» — секс-точка раздолбанного дивана. Размышлял. Шаркая тапочками с кроличьими мордами, расхаживала Анжелика в обвисшем халате, что-то переставляла, приносила и уносила; шмыгали туда-сюда детишки, и на экране телевизора рыдала брошенная бывшая возлюбленная, а Монахов был безмятежен и глубоко погружен в собственные мысли. Думал он о нескольких вещах сразу. В основном — о народном предприятии «Зеленый лист», которое уже на финишной прямой; прикидывал, хватит ли денег на рекламу, о том, что нужно еще раз позвонить насчет тары, которую производит по эскизам собственного дизайнера и поставляет некая китайская фирма. Молодцы китайцы, думал уже в который раз Монах. Нет для них ничего невозможного, только плати.

Взгляд его рассеянно следил за передвижениями Анжелики и детишек. Анжелика была женой его школьного друга Жорика Шумейко, и дети были тоже его. Олег Монахов временно проживал у Жорика, вернувшись из странствий, вернее, побродяжничав вдоволь, так как свою квартиру он оставил бывшей жене. Он было сунулся к ней, она страшно обрадовалась, и он бы остался, но увы! Она успела выйти замуж, и новый муж смотрел волком — ревновал. Пришлось отправиться к Жорику. Жорик и Анжелика — это семья, всегда примут. Класные ребята.

Младшенький, крестник Олежка, пацанчик двух лет с хвостиком, взобрался на диван, уселся на необъятный живот Монаха и, радостно вопя, запрыгал.

— Олежка, сынок, не мешай дяде Олегу, — сказала Анжелика приличия ради.

— Пусть, не мешает, — ответил Монах, рассматривая радостное личико крестника, думая, что тому для счастья нужно совсем ничего — прыгает и счастлив, а вы-

растет... и вообще неизвестно, что из него получится. Лидер однозначно — уже сейчас чувствуется характер, и хитрован еще тот, даром что мал — не в Жорика. В Анжелику? Монах скользнул взглядом по отсутствующему лицу Анжелики, по нечесаной ее голове... вряд ли, в Анжелике смысла еще меньше, чем в Жорике. А в крестнике уже сейчас чувствуется личность, добивается чего надо, берет горлом, чуть что — лезет в драку с сестрами, а те сразу в рев и бегут жаловаться, что одна — восьмилетняя барышня, что другая — четырехлетняя. И радоваться умеет, а это большое искусство — уметь радоваться, не всякому дано. И не ревет по любому поводу. С размаху влетает в стенку, бьет головой в шкаф, падает — все на бегу, даже не почешется. И не злопамятный. Мужик. Похоже, подрастает смена, генеральный директор «Зеленого листа». «Зеленый лист» — головная боль, выстрадавший, прочитанный, зачатый в муках и, если честно, надоевший до чертиков, и только врожденная порядочность и беспомощный Жорик, хороший человек и друг детства, удерживают Монаха от того, чтобы сбежать куда глаза глядят.

Тут необходимо рассказать немного о нашем герое, и начать нужно с того, что Олег Монахов был необычной в своем роде личностью. Был он женат трижды, всякий раз на красивейших женщинах города, включая приму местного драматического театра, кончил факультет психологии столичного университета и физмат местного политеха, остался на кафедре, защитился, начал писать докторскую. Потом бросил все к чертовой матери и сбежал — подался в народ, как он это называл. В погоне за приключениями на собственную... э-э-э... эту самую, одним словом, как говорит школьный друг Монаха Жорик. Не будем повторять его словес. Между прочим, Жорик и сам не прочь при случае сбежать, но семья дер-

жит якорем. Так что на художества Олега Монахова он смотрел, как птица в клетке смотрит на птицу на воле, завидуя белой завистью, хотя и не отказывал себе в удовольствии потоптаться по его хребту. Типа — зелен виноград, не очень и хотелось.

Монах бродил по Сибири с дикой бригадой шишкобоев, находя общий язык с беглыми преступниками, ворами и пьяницами, с самым последним человеческим отребьем. Собирал целебные корни, грибы-галлюциногены, от которых плющило похлеще, чем от известных наркотиков, ягоды и травы. Записывал рецепты народных медицинских и шаманских снадобий, а также заговоров и приговоров. Жил в палатке или под развесистой елкой, купался в проруби. Однажды зимовал в землянке неизвестно где, отбившись от стаи и потеряв тропу. Но выжил, даже зубов не потерял при кровоточащих деснах. Был при этом невероятно толст, дружелюбен, и всякому новому человеку казалось, что они знакомы не одну сотню лет. Сердца стремились ему навстречу, будь то замшелое сердце местного колдуна, открывавшего ему свои древние секреты, или ненавистного кулака-единоличника в каком-нибудь богом забытом месте, в глухой тайге, куда так и не дошли ни советская власть, ни дикий капитализм, который, придерживая собак, пускал его на ночь, кормил и поил, как брата. Он, который и маме родной пожалел бы куска хлеба.

Сам же Монах совершенно искренне считал себя волхвом.

Таким необычным человеком был Олег Монахов, по прозвищу Монах, друг и одноклассник Жорика Шумейко, чья жена Анжелика в старом затрапезном халате и тапочках с кроличьими мордами шлялась по квартире. Вернувшись из странствий, он взялся за раскрутку пред-